

Д. В. Сидоров

Просвещение инородцев как форма миссии в трудах и практике Н. И. Ильминского

Статья посвящена обзору и анализу просветительско-миссионерской деятельности Николая Ивановича Ильминского среди казанских инородцев. Особенностью этой миссии явилось то, что она осуществлялась через просвещение. Ильминский использовал новые подходы и методы в деле просвещения местных народов, основными из которых были использование родного языка и подготовка преподавателей из числа самих инородцев; он также заложил основы языка для кряшен, предложив вместо привычного арабского письма алфавит на кириллице. По инициативе и при содействии Н. И. Ильминского в последней трети XIX в. была создана целая сеть школ для детей-инородцев, открыты центральные (высшие) учебные заведения, готовившие учителей и преподавателей для инородческих школ и священников для инородческих приходов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миссия, просвещение, кряшены, инородцы, Казанская крещено-татарская школа, Братство свт. Гурия.

XIX в. принято называть «золотым веком» русской православной миссии. Одним из известных миссионеров того времени был так называемый апостол казанских инородцев — Николай Иванович Ильминский, осуществлявший свою деятельность в Казанской губернии.

Изначально религией инородцев восточной части Европейской России и Сибири было шаманство. С IX в. на этой территории начинает распространяться мусульманство, особенно укрепившееся в период Золотой Орды. После покорения Казанского царства в конце XVI в. начинается крещение татар и других инородцев. Крещенные в то время инородцы позднее стали называться «кряшены», впоследствии это название закрепилось лишь за татарами. В XVII и XVIII вв. крещенные татары оставались без должного пастырского попечения и, хотя и назывались христи-

анами, но на самом деле в большинстве своем оставались совершенными язычниками. В XIX в. происходили массовые отпадения таких номинальных христиан в мусульманство, спровоцированные, во-первых, активной деятельностью мусульманских проповедников и, во-вторых, тем, что Российская православная церковь часто решала задачи, которые были связаны не столько со свидетельством о Христе, сколько с попыткой ассимилировать нерусское население, вызывавшей сопротивление со стороны последнего.

По этому поводу в 1866 г. была создана комиссия во главе с казанским вице-губернатором Е. А. Розовым. Главную причину отпадения он видел в совершенном отсутствии знания христианской веры среди крещеных татар. К такому же выводу пришел Н. И. Ильминский, который писал: «Это грустное явление, кроме разных других, второстепенных причин, зависело, главным образом, от недостатка в крещено-татарском населении православно-русского образования» [*Ильминский. Школа, 70*].

Такое положение вещей усугублялось тем, что в среде татар-магометан, напротив, существовало большое внимание к делу школьного просвещения. Так, например, для мусульманина построить школу считалось делом богоугодным в такой же степени, как и построить мечеть. На это обстоятельство указывал, в частности, А. Рождествен, который писал, что «татары-магометане давно уже осознали важность школы в деле своей пропаганды среди старокрещеных татар и других инородцев» [*Рождествен, 18–19*]. При этом исламское просвещение характеризовалось двумя моментами: преподаванием на родном языке учащихся и близостью и авторитетом учителя или муллы, что было созвучно основным принципам просвещения Н. И. Ильминского¹.

Именно в контексте таких обстоятельств следует рассматривать деятельность миссионерско-просветительских школ Н. И. Ильминского в Казанской, Уфимской, Симбирской и других губерниях, которая, по свидетельству профессора Тобольской семинарии, впоследствии законоучителя Сибирского корпуса, протоиерея А. Сулоцкого, для сельских и городских священников всей России и Сибири может быть образцом того, как «братия должна бы приступать к обучению религии и религиозной жизни народа и как должна бы поступать при самом обучении» [*Ильминский. Школа, 64–65*].

1. См.: [Чичерина, 10].

Особенностью миссии Н. И. Ильминского было то, что он осуществлял ее через просвещение. Николай Иванович выработал новые подходы и методы к просвещению инородцев, основными из которых были использование родного языка и подготовка преподавателей из числа самих инородцев. Он также заложил основы языка для кряшен, предложив вместо привычного арабского письма алфавит на кириллице.

Говоря о школьном православно-христианском русском образовании у Н. И. Ильминского, следует сразу отметить, что речь идет о просвещении, во-первых, детей и подростков и, во-вторых, уже крещенных татар и представителей других малых народов, еще не успевших укорениться в мусульманстве. Ввиду множества прошлых ошибок со стороны православной миссии и некачественного пастырского попечения о крещеных членах народов, большинство в которых составляли мусульмане, Николай Иванович ограничивает область своей деятельности уже крещенными, но не просвещенными и язычествующими инородцами².

В XIX в. неоднократно совершались попытки основывать школы для просвещения инородцев. Но результат их деятельности признавался малоэффективным, и основной причиной этого считалась неспособность инородцев к обучению. Однако Н. И. Ильминский основную причину неудачи инородческих школ видел не в отсутствии способностей у учеников, а в самой системе образования. Он не был согласен с отрицательным заключением Министерства народного просвещения и писал по этому поводу: «Причина столь поразительной неуспешности учеников заключалась не в прирожденной умственной тупости инородцев, как думали учителя и руководители школ, а в системе самого обучения»³. Ведь за основу обучения был взят русский язык, на нем изучались все предметы. Обучение на русском языке и по русским книгам препятствовало пониманию излагаемого материала, а самое главное, по словам Ильминского, инородец не мог полученные им сведения облечь в живую форму своего языка. Другими словами, ученик до конца не понимал преподаваемого и не мог им воспользоваться. По этой причине инородцы нашли обучение чрезмерно трудным и бесполезным

2. Такая позиция была свойственна не только Н. И. Ильминскому. В отчете обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева за 1884 г. указывается: «...православная миссия направляет свою деятельность не столько на приобретение

последователей из среды коренных магометан, сколько на удержание от вероотступничества тех из них, которые однажды примкнули к христианству» (цит. по: [Журавский, 137]).

3. Цит. по: [Рождествен, 20].

для себя и почувствовали к таким школам «сильнейшее отвращение» [*Рождествин*, 19].

Цель просвещения Н. И. Ильминский полагал не в заучивании догматов и формальном исполнении обрядов, а в жизни по Евангелию. А для этого требовалось, «чтобы воспринимаемые учениками понятия, религиозные, нравственные и научные, сделались ясны и определены для их ума и имели благодетельное влияние на их сердце и нравственное чувство» [*Рождествин*, 20–21]. В 1867 г. в статье «Школа для первоначального обучения детей крещеных Татар в Казани», делая обзор трехлетней деятельности крещено-татарской школы, Николай Иванович пишет: «Первое возбуждение христианского религиозного чувства и мысли возможно только в том случае, когда ученики вполне понимают предлагаемые им уроки, а это возможно только на родном языке» [*Ильминский. Школа*, 81].

Говоря о родном языке, Н. И. Ильминский делает очень существенное дополнение — о родном и *народном* языке, в противоположность книжному и научному. Несмотря на то что до начала XIX в. о переводах священных и богослужебных книг на национальные языки практически никто не заботился, все же к середине XIX столетия такие тексты появляются. Но, по свидетельству К. П. Победоносцева, они «особого успеха в деле переводов не принесли» [*Победоносцев*, 7]. В первую очередь отсутствие успеха объяснялось тем, что переводы осуществлялись не на народный язык, а на некую «тарабарскую» смесь. В процессе переводов предпринимались попытки создания литературного языка, в основу которого закладывались наречия, понятные лишь одним образованным представителям данной народности, тогда как основная часть населения была необразованна, неграмотна и, как следствие, неспособна к восприятию этих текстов. Бывали случаи, когда они оказывались понятны лишь самим переводчикам. Ильминский резко критиковал авторов переводов, в которых «сохранялась русская конструкция, русские обороты речи» «со всеми приемами церковного красноречия, с сложными и утонченными доказательствами, с искусственными украшениями» [*Зеленин*, 13], присущими русскоязычным текстам.

Бытовало мнение, что языки малых народностей неполноценны, так как не способны вместить христианское откровение. В этом был убежден и Н. И. Ильминский, только что окончивший академию и приступивший к изучению проблемы просвещения инородцев в Казанском крае. Но годы исследований, изучения

жизни и языка местных народов показали ему, «что безграмотные, живущие в захолустьях татары говорят правильным и даже более чистым языком, нежели образованные магометане, а среди полудиких кочевых киргизов он с изумлением нашел хороших говорунов и даже импровизаторов» [Зеленин, 8]. Ильминский, по достоинству оценив язык безграмотных крещеных татар, сделался настоящим апологетом народного языка, приверженцем психологического и субъективного метода в противовес механическому, считая, что следует «переводить как можно проще, прямее, естественнее, объяснительнее и применимее к быту, положению и пониманию инородца» [Зеленин, 13].

Существенным открытием для Николая Ивановича стало то, что переводы нуждаются не только в грамотном переложении на народный, приближенный к быту язык, но и в изменении самого письма, т. е. алфавита. Вместо арабского письма, обычного для всех переводчиков того времени, Ильминский предложил использовать кириллицу. Сблизившись с киргизами в Оренбургском крае, Николай Иванович обнаружил, что «татарская грамотность, мало-помалу распространяющаяся в степи, грозит сгладить и уничтожить диалектические особенности киргизского языка» [Рождествин, 29]. Русский алфавит стал единственным средством для защиты киргизского языка от мусульманской татаризации. Он резко отличался от алфавита арабского и такой же резкой гранью отделил крещеных татар и других инородцев от их магометанских соплеменников.

По мнению Н. И. Ильминского, «для инородческих школ лучшими учителями могут быть лица, единоплеменные ученикам» [Ильминский. Школа, 82]. Этот принцип не менее важен, чем предыдущий, так как от него непосредственно зависит успех самого дела просвещения. «Чтобы передать инородцам христианское догматическое и нравственное учение... нужно приноровиться к их религиозным понятиям и нравственным убеждениям, к своеобразному ходу их мышления» [Рождествин, 29]. По мысли Н. И. Ильминского, русский человек, хотя и говорящий на родном языке инородцев, все же будет всегда оставаться немного не своим, чужим. «Лучшими деятелями на почве просвещения каждого народа будут представители этого же народа, и только они одни, с их совершенным знанием данного инородческого языка, знанием всей жизни и мирозерцания инородцев, с их общою близостью к этим последним, — разумеется, при соответствующем образовании» [Зеленин, 8].

Успех школ Николая Ивановича не только в деле образования, но и в деле научения христианской вере во многом определялся тем, что неотъемлемой частью образовательного процесса были изучение Священного писания и участие в богослужении. То есть простое обучение грамоте дополнялось катехизическим научением. В своих работах Н. И. Ильминский подчеркивал, что школа — это не просто место обучения «грамоте и цифири», но «действительно миссионерское, христианско-просветительное учреждение» [Зеленин, 22]. Ильминский был убежден, что крещеным татарам, инородцам и вообще простолюдинам свойственна сильная религиозность. И если преподавать им православное учение в доступной форме, то «оно неотразимо, хотя и в некоторых случаях постепенно, привлекает к себе их искреннее сочувствие» [Ильминский. Школа, 81].

В Казанской крещено-татарской школе ученики регулярно участвовали в богослужении. Николай Иванович считал принципиально важным, чтобы богослужение совершалось на понятном (народно-татарском) языке, ведь православное богослужение — это не просто обряд, но источник христианского догматического, исторического и нравственного учения, и, чтобы действительно стать внутренним достоянием инородцев, оно должно совершаться на родном для них языке. Только так «раскрывается для темных татар и сокровище глубокого богомыслия, какое заключено в православном богослужении, и чувство христианское, то покаянно-умилительное, то восторженное, могущее тронуть и восхитить сердце человека» [Рождествин, 25]. Становясь понятным, православное богослужение выгодно отличалось от простоты мусульманских намазов.

Николай Иванович еще в 1849 г. осознавал необходимость использования родного языка в деле христианского просвещения крещеных татар, но до 1863 г. его труды носили лишь академический характер. Научная работа создала базу для практической деятельности, которая началась в том же 1863 г. с основания в Казани школы для крещеных татар. Это была первая и единственная в своем роде школа, организованная на новых принципах, полностью отличавшаяся от прошлых школ для нерусских народов. Вскоре по ее образцу стали открываться сельские крещено-татарские школы, и до 1870 г. было открыто более 50 школ по системе Н. И. Ильминского. А к 1891 г. — к концу жизни просветителя — насчитывалось 122 инородческие школы по всем уездам Казанской губернии, среди которых 61 — крещено-

татарская, 49 — чувашских, 4 — черемисские, 7 — вотяцких и 1 — мордовская.

На момент неофициального открытия в 1863 г. в крещено-татарской школе в Казани было всего три ученика, но уже на следующий год в ней занимались тридцать учеников, в том числе одна девочка. В течение 5 лет число учеников возросло до 117. Такой быстрый рост и популярность были обеспечены, во-первых, летними поездками учителя В. Т. Тимофеева с учениками в деревни и села, где они давали уроки грамотности и пели церковные песнопения на татарском языке; во-вторых, свидетельством самих учеников, мальчиков и девочек, своим сверстникам о пользе обучения в школе.

К 1894 г. в инородческих школах Казанской губернии было воспитано всего 4492 ученика, из них крещеных татар — 1900 (мальчиков — 1486, девочек — 414), чувашей — 1370, черемисов — 118, вотяков — 168, мордвы — 51.

В системе инородческого просвещения Н. И. Ильминского можно выделить как минимум три основных направления деятельности. Один из его учеников и сотрудников С. В. Смоленский, преподаватель Учительской семинарии в Казани, назвал их тремя этажами, где первый этаж — это высшие церковные ведомства, второй — учительские школы, а третий — миссионерско-просветительская деятельность [Смоленский, 52].

Первое направление было связано с сотрудничеством с такими ведомствами и сообществами, как Министерство народного просвещения, Св. Синод, Православное миссионерское общество и Братство свт. Гурия Казанского. На этом уровне решались следующие задачи: 1) выработка законодательных документов относительно просвещения инородцев; 2) обретение материальных средств на нужды просвещения; 3) улаживание отношений с местной властью и населением на территории открытия новых школ; 4) организация переводческой деятельности с включением в этот процесс лучших специалистов.

Второе направление — организация и устройство школ, названных центральными или высшими, готовящих преподавателей и священников из среды инородцев — тех, кто «способен и других научить»^{*1}. Это центральная крещено-татарская школа в Казани; учительская семинария в Казани; школы в Симбирской и Уфимской губерниях. Эти учреждения были между собою «согласны и в такой степени солидарны, что одно служит дополне-

*1 2 Тим 2:2

нием другому и все вместе составляют как бы один нераздельный организм» [Ильминский. Система, 152].

Третье направление — организация и устройство миссионерско-просветительского процесса в деревнях и селах, сопровождавшегося открытием инородческих школ и приходов, налаживанием доверительных отношений с местными жителями, постройкой помещений для школы и даже храмов.

Творческая и инициативная личность Николая Ивановича располагала к нему и «захватывала к совместной работе» многих, в том числе и представителей высшего церковного руководства. Особую роль в утверждении дела Н. И. Ильминского в Казани и Петербурге сыграли такие люди как обер-прокуроры Св. Синода граф Д. А. Толстой, а затем К. П. Победоносцев⁴; архиепископ Казанский Антоний (Амфитеатров); попечитель Казанского учебного округа, председатель Братства свт. Гурия — П. Д. Шестаков. Благодаря их деятельности, а также помощи многих людей, правительство всерьез обратило внимание на систему просвещения Ильминского и увидело в народной школе «одно из действительных средств к предупреждению окончательного господства ислама и татарства в пределах православной Руси» [Ильминский. Система, 151]. А член совета Православного миссионерского общества И. С. Аксаков, обсуждая предложения Н. И. Ильминского, даже сказал: «Благо есть такой человек — надо им пользоваться» [Смоленский, 27].

Архиепископ Казанский Антоний (Амфитеатров) в отзыве № 1092 от 20 марта 1867 г. писал обер-прокурору графу Д. А. Толстому: «...Я, основываясь на примере прежнего времени... соглашаюсь с предположением господина Ильминского касательно назначения в приходы... священноцерковнослужителей из их же одноплеменников» [Ильминский. Из переписки, 18]. В результате Святейший Синод утвердил на законодательном уровне использование родного языка в богослужении и при чтении Священного писания в инородческих приходах, а также направление в эти приходы священнослужителей из инородцев⁵.

Министерство народного просвещения также способствовало утверждению инородческого языка в учебном процессе; кроме

4. Из-за участия в этом деле К. П. Победоносцева систему Н. И. Ильминского иногда несправедливо называли «ретроградной и отжившею свой век» [Ильминовец, 350].

5. Соответствующий «Указ Св. Синода о назначении в приходы, где находится значительная часть

крещенных татар, священнослужителей из их одноплеменников, следовавший от 19 июля 1867 года на имя Преосвященного Антония, архиепископа Казанского и Свияжского, напечатан в «Известиях по Казанской Епархии» за 1867 г. № 18, с. 485» (Цит. по: [Ильминский. Из переписки, 7]).

того, им были предоставлены Ильминскому некоторые льготы, освободившие школы от избытка циркуляров, чиновничьего контроля и руководства. 26 марта 1870 г. было получено Высочайшее утверждение «Правил о мерах к образованию инородцев», выработанным при Министерстве народного просвещения. Согласно этим правилам, обучение должно было вестись на родном для каждого племени наречии, а учителя в инородческие школы поставляться одной с учениками народности; исключение было сделано лишь для русских учителей, хорошо владеющих соответствующим инородческим наречием. А в 1889 г. Св. Синод принял эти же Правила и для начальных инородческих школ Духовного ведомства⁶.

Православное миссионерское общество оказывало материальную помощь в открытии новых школ (брало на себя расходы на их строительство и содержание в Уфимской, Симбирской и других губерниях), в издании Св. писания, богослужебных текстов, книг, учебных пособий на инородческих языках. Так, совет Православного миссионерского общества поручил Н. И. Ильминскому «в миссионерских видах христианского образования крещеных и язычествующих инородцев» открывать небольшие начальные школы в Мензелинском и собственных уездах Уфимской губернии⁷.

Православное миссионерское общество имело целью распространение православия между инородцами в Российской империи за исключением Казанского края, так как в Казанской епархии 4 октября 1867 г. было учреждено *Братство святителя Гурия Казанского*. Главным инициатором создания братства был Н. И. Ильминский. Братство осуществляло надзор за просветительской деятельностью инородческого образования, и, тем самым, «дело находилось в желательном “ведомстве”, — свободном, нечиновничьем» [Смоленский, 28]. В приветственной речи на открытии Братства его председатель П. Д. Шестаков «очертил предстоявшие задачи братства, подробно остановившись на *pro et contra* инородческих школ по системе Ильминского. Братство сразу и горячо поддержало это дело, нисколько не стесняя его свободы» [Смоленский, 27]. Братство осуществляло материальное содержание школ в границах Казанской губернии. Оно также способствовало переводческой деятельности на языки инородцев, начатой

6. См.: [Чичерина, 16–17].

7. См.: [Ильминский. О трех школах, 27].

Н. И. Ильминским. Была учреждена переводческая комиссия «на счет Православного миссионерского общества» под цензурой совета Братства свт. Гурия.

Первой на свет появилась осенью 1863 г. крещено-татарская школа в Казани «в малом виде», которая официально открылась в сентябре 1864 г. как «основа и исходный пункт всей образовательной системы для крещеных татар» [Ильминский. Второе письмо, 108]. Но в нее изредка поступали также и вотяки из Мамадышского уезда, хорошо владевшие татарским языком, и татары-магометане, пожелавшие креститься и поступавшие в школу по рекомендациям епархиального начальства. Выпускники этой школы, более или менее зрелые юноши 16–19 лет, в своем большинстве становились впоследствии учителями в деревнях и селах. Другими словами, это была кузница кадров. Так, бывшие ученики Казанской школы обучали в Верхне-Уральском уезде нагайбаков, в Оренбургском — чувашей, и даже на Кавказе — трухменов, а также учительствовали в Мензелинском и Елабужском уездах и в нескольких уездах Казанской губернии⁸. Ильминский так описывал значение этой школы: «Казанская крещено-татарская школа имеет целью христианское воспитание и образование крещеных татар вообще, и, по мере своего помещения и средств, принимает всех желающих учиться. ...Она воспитывает в своих учениках твердые христианские убеждения и дает им образование в направлении православно-церковном. <...> Лучшие и благонадежнейшие к тому воспитанники Казанской школы должны поступать в учителя местных школ, которые, под направлением Казанской школы как центральной, будут открываться в разных селениях губернии» [Ильминский. Из переписки, 14–15].

Такой же кузницей учителей была и Казанская инородческая учительская семинария, директором которой, вплоть до своей кончины, был Н. И. Ильминский. В семинарию поступали в ограниченном количестве и представители русскоязычного населения, а из инородцев — только крещеные. Николай Иванович считал, что «удостоенные священства, те же учителя, еще шире и влиятельнее могут содействовать христианскому просвещению инородцев» [Ильминский. Система, 153]. В семинарии обучались студенты, уже окончившие инородческие школы, они были как бы «...вторым инородческим поколением, уже русским в душе»

8. См.: [Ильминский. О трех школах, 51].

[*Смоленский, 34*]. «Этот новый род учителей проводил в жизнь более высокую сельскую школу, чем школа инородческой грамоты» [*Смоленский, 31*].

Николаем Ивановичем Ильминским были открыты: Симбирская центральная чувашская школа, Уфимская двухклассная черемисская школа, Бирская инородческая учительская школа. Они, как и Центральная крещено-татарская школа в Казани, осмыслились как народные. Цель народной школы была в том, чтобы воспитать не столько профессионала в том или ином деле, сколько хорошего и доброго, нравственно пригодного к делу Божьему человеку. «Воспитательная задача начальной народной школы должна состоять в развитии и укреплении любви к Богу и ближнему во всех по возможности ее проявлениях» [*Ильминский. Беседы, 63*].

Третье направление просветительской деятельности Ильминского следует считать основным в деле просвещения нерусских народов России, так как именно здесь «вспыхивалась новь», или, как бы мы сейчас сказали, поле инородческого населения. Два предыдущих «этажа» системы Н. И. Ильминского лишь создавали условия для плодотворной миссионерско-просветительской деятельности в провинциальной глубинке, в деревнях и селах.

Здесь на первое место выходит личность учителя-миссионера, от личного подвига которого напрямую зависит успех миссии. Н. И. Ильминский считал, что «это учительское служение даст возможность юношам испытать и обнаружить свои качества, свой характер и способности, доставить некоторую опытность в народном учении, даст случай, вместе с возрастом телесным, возрасти до той степени умственного и нравственного развития, которое нужно для поступления во священники» [*Ильминский. Из переписки, 15*]. Причем Николай Иванович отдавал предпочтение простому, но искренне верующему и высоконравственному учителю перед хорошо образованным, но не приспособленным к тяжелому труду сельского миссионера. «Ученых и слишком развитых учителей, если только попадут такие в сельские школы Белебейского уезда, больше остерегайтесь и подвергайте их более тщательному надзору, чем простых, безотчетно нравственных и в простоте души верующих» [*Ильминский. О трех школах, 50*].

Николая Ивановича часто упрекали, что учителя в его школах не имеют достаточного образования, что они из простого народа. Но для него важнее была искренность веры учителя-миссио-

нера, чем его большая ученость. Описывая деятельность другого учителя, Н. И. Ильминский пишет: «Дай Бог подобный успех в любой русской школе с специально подготовленным учителем. Но смею заверить Вас, что ученый философ и богослов не мог бы возбудить такого сочувствия к своей школе в Усинских инородцах и их детях и достигнуть такого успеха, как малоразвитый Борис Васильев» [*Ильминский. О трех школах, 48*]. Ильминский мечтал об «обруселых, благодарных инородцах в качестве помощников», так как «кончившие курс в Академии никогда не пойдут в сельские учителя» [*Ильминский. О трех школах, 48–49*].

Довольно скоро Центральная крещено-татарская школа в Казани завоевывает доверие со стороны крещеных инородцев. Это было связано с тем, что основные принципы просвещения (родной и народный язык, преподаватель одной национальности с учениками) были по душе и полюбились крещеным татарам, а прохождение учебного процесса в атмосфере доверия создало благоприятную почву для принесения добрых плодов. В первую очередь необходимо отметить наличие настоящих дружеских и даже братских отношений воспитанников как между собою, так и с учителем и с самим Н. И. Ильминским. Эта дружественность существовала наряду со строгостью и дисциплиной. «Казанская крещено-татарская школа была сплошь каким-то упоительным весельем в неустанном труде. Вместе с тем это была серьезная, особенная, самоуставившаяся общежительная детская дисциплина, при которой порядок и взаимное уважение создавали возможность полнейшей свободы и сущего братского равенства» [*Смоленский, 35*].

Еще одним важным принципом была свобода. Только свободно пришедший и захотевший учиться мог это сделать. Не было места никакому насилию как со стороны преподавателей, так и со стороны родителей. Интересно, что в Казанской крещено-татарской школе не было привычных форм учебного контроля — ни выпускных экзаменов, ни журналов, ни отметок, ни аттестатов. «Всякий старался получить поскорее и подтверже всяких знаний; учили друг друга, сами составляли классы, отделения, группы, чтобы уберечь время учителя. <...> Зато и выходили из этой школы люди совершенно дисциплинированные, скромные и умные. <...> Главное же, выходили из Казанской школы люди кроткие и благожелательные, совестливые и строгие к самим себе. Труд и свобода, впрочем, не могли и дать иных результатов» [*Смоленский, 35*]. В отличие от основной практики в начальных

школах того времени, порядок достигался не кнутом и строгими наказаниями, чего вообще не было в школах Н. И. Ильминского, а внутренней заинтересованностью каждого воспитанника. Самым серьезным наказанием было исключение из школы, но оно так ни разу и не было применено. «Единственным законом здесь был неустанный, подвижнический труд учителя, мощная сила воли и любви к просвещению и к детям» [Смоленский, 18]. Воспитанники очень дорожили своим обучением, и оно было им не в тягость, а в радость.

В завершение стоит подчеркнуть, что христианское просвещение было основной идеей Н. И. Ильминского, и под миссионерством он понимал не просто «обращение в православие и крещение инородцев, но постепенное и искреннее усвоение ими христианской нравственности и христианского мировоззрения» [Ильминский. Система, 154]. Основные принципы его системы, новые для тогдашнего общества, но при этом глубоко традиционные, способствовали обретению личной веры во Христа. Обучение инородцев «грамоте и цифири», а также русификация инородческого населения, введение его в русскую культуру были для школ Н. И. Ильминского второстепенными задачами. Таким образом, можно сказать, что Н. И. Ильминский через просвещение занимался христианской миссией. При этом он основывался на апостольских принципах миссии, ставящих на первое место не формальное количество крещеных, а качество усвоения ими новой веры.

Литература

1. *Журавский* = Журавский А. В. Православная миссионерская деятельность среди мусульман России // Россия и ислам : Инаковость как проблема. М. : Языки славянских культур, 2010. С. 125–160. (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности; Вып. 27).
2. *Зеленин* = Зеленин Д. К. Н. И. Ильминский и просвещение инородцев : К 10-летию со дня смерти Н. И. Ильминского 27 дек. 1901 г. СПб. : журн. «Русская школа», 1902. [2], 26 с.
3. *Ильминовец* = [Ильминовец]. Система Н. И. Ильминского в татарских руках // Сотрудник Братства свт. Гурия. 1910. № 22–23. С. 347–350.
4. *Ильминский. Беседы* = Ильминский Н. И. Беседы о народной школе // Очерк просветительской деятельности Н. И. Ильминского с приложением его статьи «Беседы о народной школе». СПб. : Училищ. совет при Святейшем синоде, 1904. С. 50–87.

5. *Ильминский. Второе письмо* = Ильминский Н. И. Второе письмо к обер-прокурору Св. Синода РПЦ гр. Толстому Д. А. от 12 января 1872 г. // Сотрудник Братства Св. Гурия. 1910. № 7. С. 106–109.
6. *Ильминский. Из переписки* = Ильминский Н. И. Из переписки об удостоении инородцев священнослужительских должностей. Казань : Тип. В. М. Ключникова, 1885. 20 с.
7. *Ильминский. О трех школах* = Ильминский Н. И. Переписка о трех школах Уфимской губернии : К характеристике инородческих миссионерских школ. Казань : Тип. В. М. Ключникова, 1885. 116 с.
8. *Ильминский. Система* = Ильминский Н. И. Система народного и в частности инородческого образования в Казанском крае // Сотрудник Братства свт. Гурия. 1910. № 10. С. 151–158.
9. *Ильминский. Школа* = Ильминский Н. И. Школа для первоначального обучения детей крещеных Татар в Казани // Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1869. С. 53–84.
10. *Победоносцев* = Победоносцев К. П. Н. И. Ильминский : [Некролог]. СПб. : Общественная польза, 1892. 16 с.
11. *Рождествин* = Рождествин А. Н. И. Ильминский и его система инородческого образования в Казанском крае. Казань : Тип.-лит. Императорского Университета, 1900. 85 с.
12. *Смоленский* = Смоленский С. В. В защиту просвещения Восточно-русских инородцев по системе Н. И. Ильминского. Вып. 14. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1905. 58 с.
13. *Чичерина* = Чичерина С. В. О приволжских инородцах и современном значении системы Н. И. Ильминского : Доклад С. В. Чичериной, читанный в Общем Собрании Общества Востоковедения. СПб. : Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1906. 39 с.

D. V. Sidorov

Education of Ethnic Minorities as a Missionary Activity Illustrated by Writings and Practical Experience of Nikolay Ivanovich Ilminsky

The article reviews and analyses Nikolay Ivanovich Ilminsky's educational missionary activities involving the indigenous population of Kazan. The mission was unique in that it was realised through education. Ilminsky applied new educational approaches and methods when working with local ethnic minorities; most importantly, instruction was offered in their native language and training was provided for those of them who wished to become teachers. Ilminsky also developed the framework for the Kryashen language based on the Cyrillic script instead of the traditional Arabic. Towards the end of the XIX century, Ilminsky pioneered and helped establish a whole network of ethnic minority schools as well as prominent higher education institutions training teachers for ethnic minority schools and priests for non-Russian parishes.

KEYWORDS: mission, education, Kryashens, non-Russians, Kazan Kryashen-Tatar school, of St Gury Brotherhood.